

Что касается у вместо о в *Ѹм[у]ли*, то аналогию этому примеру составляет написание *жалуби* в грамоте № 301 (XV в.), наряду с *жалоби* в той же грамоте, и написание *лоуни*, исправленное потом на *лони*, в грамоте № 88 (см. выше).

№ 400 (60-е – 90-е гг. XII в.; Б 132) [Г]. Запись текста в Попр.-X и ДНД требует двух уточнений. Во-первых, перед *оже* в начале второй строки отчетливо видны буквы *ло*, а перед ними — петля от *б/в* или *ѡ/ѡ*; еще левее на снимке опознается *ы*. Если последняя идентификация верна, наиболее вероятной реконструкцией оказывается *(ноѡ)[ыб]ло*. Важнее, однако, что, какой бы ни была эта словоформа, это не могла быть форма дательного падежа имени адресата. Значит, слова *оже ны еси холопы нарекла*... не открывали содержательную часть письма — с них могла начинаться только новая фраза или вторая часть сложного предложения. Связать их с отрезком *(ноѡ)[ыб]ло* можно, предположив, что фраза в целом представляла собой риторический вопрос: *(Ци ... по)гыбло, оже ны еси холопы нарекла?* ‘Разве (у тебя что-то) пропало, что ты нас назвала холопами?’ Значение *оже* в этой конструкции — такое же, как в № 752: *цѣтъ до мѣнь зѣла имееши, оже е[с]и къ мѣнѣ и[ъ при]ходить?*

Во-вторых, после букв *оути*, которыми вторая строка продолжается после лакуны в середине, на снимке отчетливо видна разделительная точка. Это делает маловероятным, чтобы *ти* открывало новую часть фразы, как то предполагает перевод в Попр.-X: ‘Что касается того, что ты нас назвала холопами, ... , то я тебя не называл (не называю) ...’. Следовательно, слово, заканчивавшееся на *-оути* (или слова ...*оу ти*), могло либо завершать фразу, открываемую союзом *оже*, либо входить в состав отдельного предложения.

Взвешивая эти возможности, нужно учитывать, что размер разрыва между двумя кусками грамоты, скорее всего, совсем невелик. В реконструкции А. А. Зализняка — [и ѡ т]оу[г]ош[ѣ и] (ѡ в[о]ю[г]ы [и ѡ коузь]мы — он заполняется двумя буквами в первой строке, чему во второй соответствует пропуск трех-четырех букв⁶. В рамках единой клаузы, начинающейся с *оже*, эту лакуну может заполнить разве что обстоятельство (*на пути*); однако ситуация, в которой адресат письма назвала его авторов холопами в дороге, выглядит чересчур специфичной и маловероятной.

Хороший смысл и синтаксис, отвечающий риторике письма, дает, между тем, использование второй возможности, а именно заполнение лакуны отрицательной фразой, состоящей из одного слова, — *(Нѣт)оу ти! ѡзь тебе не нарек(оу)* ... ‘Нет уж! я тебя не назову ...’. Хотя словарями древнерусского языка использование *нѣтоу* (*ти*) как отрицательного слова не фиксируется (его продолжение — современное *нѣт* — отмечается в этой функции лишь с XVII в. [Слов. XI–XVII, 11: 317]), оно хорошо представлено в русских говорах; ср. примеры из (СРНГ, 21: 179): *Еще не ходит (ребенок)? — Нету; Ты брал хлеб? — Нету; Ты ходила к свахе? — Нетука; Отколя ты, матушка? Из Копылихи, что ли? — Нетутка, милая, не оттоля*. Классический пример из языка Пушкина — в «Евгении Онегине» (3: II): *Представь меня. — Ты шутишь? — Нету*. Такое употребление *нету* явно вторично по отношению к значению ‘не имеется’ и возникает на его основе⁷. Сомневаться в его древности нет оснований. Следует также иметь в виду, что использование в этом качестве частицы *ни* свойственно исключительно книжному языку древней Руси; контексты же, которые могли бы проиллюстрировать положение дел в народном языке в ранний период, до сих пор просто не были известны.

Тем более досадным оказывается разрыв в нашем документе, позволяющий предложить данную реконструкцию только в качестве догадки.

⁶ Теоретически, конечно, в первой строке в лакуне могло быть полностью утрачено еще одно имя. Нужно, однако, иметь в виду, что даже при допущении минимального (около 2 см) размера лакуны длина сохранившейся части грамоты составляет 40 см. При этом в окончании первой и начале второй строки должны были находиться имя последнего автора, имя адресата и начало первой фразы письма; всё это требует как минимум 15–20 букв. Таким образом, письмо имело длину не менее 55 см и представляло собой один из физически самых длинных берестяных документов. Без необходимости увеличивать эту и без того большую величину не следует. В пользу кратчайшей реконструкции утраченной середины грамоты говорит, как заметил А. А. Зализняк, и конфигурация обрывов.

⁷ Неслучайно во многих контекстах, приводимых в СРНГ, *нету* и его осложненные частицами варианты могут интерпретироваться в обоих значениях: и как чисто отрицательная реплика, и как ‘не имеется’ с эллипсисом подразумеваемого объекта: *Дома ли хозяин? — Нетути* (= нет хозяина).